

НА РУБЕЖЕ

1940

3

А
С
Б

3

КАРЕЛО-ФИНСКИЕ СКАЗКИ.

Устное творчество карело-финского народа богато не только эпическими песнями (рунами), которые легли в основу памятника мировой литературы — «Калевалы». Карело-финский народ является творцом и хранителем огромного количества сказок. За последние полтора столетия на территории Финляндии и Карело-Финской ССР записаны десятки тысяч вариантов сказок, выявлено около тысячи различных сказочных сюжетов. Но этим сокровищница народного творчества далеко не исчерпана.

Наибольшее количество сказок записано в Тавогустской губернии Финляндии. Там с 1880 года по 1908 год записано, по некоторым данным, свыше четырех тысяч вариантов сказок. Примерно столько же сказок за это время записано в Улеаборгской и Куопиоской губерниях. В северной части Абоской губернии и в Вазаской губернии записано свыше трех тысяч вариантов сказок, на территории Выборгской губернии — больше трех с половиной тысяч. Не меньшее количество вариантов сказок за указанный период записано в так называемой Восточной Карелии, то есть в западных частях бывших Олонецкой и Архангельской губерний. Если же к этому прибавить записи сказок, произведенные по Финляндии и Карелии после 1908 года, и те четыреста вариантов карельских сказок, которые записаны за последнее десятилетие в советской Карелии, то получится очень внушительная цифра.

Но карело-финский народ занимает видное место в сказочном репертуаре народов всего мира не только по количеству сказок. Обращает внимание своеобразная разработка сюжетов карело-финских сказок, красочность, выразительность их языка.

Если мы сопоставим сказочный репертуар русских сказочников с репертуаром карело-финских, то сразу же заметим поразительное сходство сюжетов. Вообще можно считать, что в сюжетном отношении карело-финские сказки ничего особого не представляют, а повторяют сюжеты, имеющиеся в фольклоре других народов. И в то же самое время характер разработки сюжетов в карело-финских сказках значительно отличает их от сказок других народов, придавая им своеобразный местный колорит. Мотивы, образующие карело-финские сказки, также своеобразны, поскольку они характеризуют и отражают специфические черты быта и психологии карело-финского народа.

Общность чаяний трудового карело-финского, русского и других народов, складывавшаяся веками, заключается в том, что карело-финский народ, как и другие, издавна мечтал

о лучшей, счастливой жизни. Эти мечты предков карело-финского народа о лучшем будущем не затухали, несмотря на набеги внешних врагов с запада. В борьбе с внешними врагами той части карело-финского народа, которая жила на Карельском перешейке и в Приладожье, большую помощь оказывал дружественный русский народ, и эта дружба и связи не могли хотя бы смутно не отразиться в карело-финском фольклоре, в частности — в сказках.

Почти в каждой карело-финской сказке выражено стремление народа к достижению лучшей жизни. Но этой цели народные герои в каждой сказке добиваются различными путями. В сказке о трех братьях, записанной в местечке Рутако, Куопиоской губернии, говорится о том, как эти братья в конце концов становятся счастливыми и богатыми благодаря тому, что очень похожи друг на друга; в этом заключена, видимо, идея братства и наивная вера в то, что если люди будут похожи друг на друга в своих хороших поступках, то счастье будет достигнуто. В сказке о бедняке Матти, записанной там же, герой становится счастливым благодаря своей умершей матери. В другой западно-финской сказке три голодающие сестры вынуждены идти просить милостыню, но благодаря попавшейся им на встречу волшебной корове младшая сестра устраивает себе и своим сестрам счастливую жизнь.

Во многих карело-финских сказках герой-бедняк добывается поворота к лучшему в своих делах благодаря уму и хитрости.

Обычно принято различать следующие сказочные жанры: сказки о животных, волшебные, новеллистические, легендарные сказки, анекдоты, рассказы всевозможного характера.

В карело-финских сказках о животных довольно реалистически изображается жизнь, материальная культура, быт и психология карело-финского народа. В этих сказках под личиной животных скрываются люди, поскольку, согласно первобытному мышлению, они отождествлялись с животными. Животные персонажи сказок заняты такими делами, которые присущи людям.

В этих сказках отражаются типичные черты первобытной и более поздней — охотничьей — культуры карел и финнов. Здесь мы встречаем красочное описание ловушки для волков, в которой, в качестве приманки, сидит ворона, и видим другие эпизоды из жизни охотников.

В сказках о животных изображается и рыболовство. Медведь удит рыбу в проруби

один, но иногда он участвует и в целой артели, сообща закидывающей невод.

Но полнее всего в сказках о животных отразилась эпоха земледельческой культуры. Очень часто в сказках встречаем зверей, вырубавших подсеку, выкорчевывавших пал. Звери пахут и сеют, ставят изгородь на поле. Когда вырастает посев, звери жнут, вывозят хлеб в ригу, молотят и везут зерно на мельницу. А затем изготовляют вкусную загустку из овсяной либо ржаной муки. Встречаются и такие сказки, где звери засевают поле вместе с людьми.

Наконец, в карело-финских сказках о животных нашла отражение и эпоха скотоводства. И волк и лиса, — все норовят наняться и пастуху. Кроме того, в Финляндии бытует сложенная на сюжет соответствующей руны сказка, согласно которой пастух, мстя хозяйке за запеченный в хлеб камень, оставляет ее коров на съедение зверям в лесу, а в ее хлев загоняет стадо волков. Согласно одной такой финской сказке, записанной в местечке Сиипола, между Винипури и Хельсинки, пастух, просидев в лесу целый день голодным, запел такую песню:

Скройся, солнце, день кончайся!

Кончатся ли хлебцы с камнем

На плечах сиротки-сына

И подмышкой у карела?

Кстати, эта последняя сказка, являющаяся связывающим звеном между сказками о животных и волшебными сказками, в то же самое время связывает вообще все сказочные жанры с другим основным жанром карело-финского фольклора — с рунами, эпическими песнями.

В карело-финских сказках о животных часто изображается довольно развитое общественное устройство. Споры разрешаются на суде. Орел, как правило, выступает судьей, кукушка — заседателем, дрозд — писарем. Но судебное дело волка, лисицы, кошки и зайца разбирает судья-медведь. Судьи, обычно, приговаривают обвиняемого к изгнанию, к высылке; в качестве же обвиняемых выступает главным образом горемычный заяц и невинная птичка.

Изображаются в карело-финских сказках о животных и военные походы. Когда собаки, кошки и крысы идут на войну, то перед этим они получают паспорта для поездки домой; в отпуск. На войну лисица приказывает созвать всех зверей, а сама собирает домашних животных. После войны та же самая лисица объявляет мир.

Встречаются в карело-финских сказках о животных и антирелигиозные мотивы. Например, жадный и прожорливый поп изображается в этих сказках в виде свиньи.

Второй важный сказочный жанр — волшебные сказки, — как мы уже видели, многими нитями связывается со сказками о животных. Сказки эти сложены на основе волшебных, фантастических явлений. Действие происходит за тридевять морей, в каких-то волшебных царствах. Но когда мы ближе знакомимся со всем, что изображается в карело-финских

сказках, то замечаем, что и здесь описывается та материальная культура, общественная жизнь, быт и психология, которые присущи карело-финскому народу. Герои волшебных карело-финских сказок охотятся на лесную дичь при помощи самопалов. Они ловят рыбу при помощи остроги и невода. Герои других волшебных сказок занимаются земледелием, скотоводством.

В волшебных сказках обрисованы общественные и производственные отношения персонажей. В этих сказках сочувствие всегда на стороне крестьянских сыновей, бедняков-крестьян, которые после всевозможных необычайных приключений добиваются счастья. Иногда это счастье персонифицируется, воплощается в царской дочери и достигается женитьбой на ней.

Но нередко в сказках отражается и антагонизм между крестьянским сыном и царем. Еще чаще описываются социальные противоречия между крестьянскими сыновьями, бедняками-крестьянами, с одной стороны, и между богачами, царскими прислужниками, — с другой. Так, в одной волшебной сказке о бедняке и богаче, записанной около города Сальми, богач отнимает у бедняка найденный им счастливый рубль, но бедняк при помощи волшебной дубинки возвращает этот рубль себе. Примечательно то, что значительное количество вариантов этой сказки о волшебном рубле записано на бывшей территории буржуазной Финляндии уже после Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с этим данная сказка интересна не только своим мотивом о волшебной дубинке, как символе протеста бедноты против богачей, но и своим мотивом о счастливом рубле, как аллегорическом выражении надежд угнетенного народа буржуазной Финляндии на совместную жизнь с карелами и финнами Советского Союза, где трудящиеся пользуются материальными благами, недоступными для трудящихся капиталистической Финляндии.

Еще более ярко общественные отношения людей выражены в новеллистических сказках, которые можно разделить на несколько видов. Довольно распространены в карело-финском народе новеллистические сказки построенные на мудрых народных поговорках и пословицах. Такие сказки иногда сплошь пересыпаны интересными остротами, «крылатыми» словечками.

Другая группа новеллистических сказок строится на основе загадок; например, записанная на Карельском перешейке финская сказка о царе и его генералах, которые безуспешно пытаются разгадывать загадки старика-пахаря. В этих сказках герои добиваются благоприятного поворота в своих делах благодаря своему уму, мудрости, хитрости, унаследованной от народа.

И в других новеллистических сказках герои — крестьянские сыновья — устраняют всевозможные беды, угрожающие им. Например, у бедняка-крестьянина происходит падеж скота, а на самом деле оказывается, что его коров убивает сосед-богачей, одевающийся в медвежью шкуру; Бедняк в конце концов

хитростью устраняет причину падежа скота.

Другая новеллистическая сказка, записанная в восточной Финляндии, в местечке Рутакко, рассказывает, как хитрец Лассы, оставшийся после смерти отца сиротой, становится богатым, благодаря тому, что перехитрил епископа, получив от него серебро и золото, и затащив епископа вместо рая в королевскую конюшню. Кстати, характерно, что эта финская сказка удивительно схожа с соответствующими карельскими и русскими сказками, где вместо епископа фигурирует поп.

В карело-финских новеллистических сказках часто встречаются, трагические мотивы. Глубоким трагизмом, например, проникнута сказка о том, как старики-родители, не имея возможности прокормить детей, уводят их в лес. Или, как рассказывается в другой сказке, родители заколачивают новорожденного сына в бочку и бросают его в море, потому что, согласно предсказаниям, он убьет своего отца и женится на своей матери.

Комический элемент встречается в сказках не менее часто. Некоторые сказки целиком построены на комических мотивах. Такова, например, сказка о всезнающем докторе, где крестьянин-бедняк благодаря случайности становится доктором.

Большой интерес представляют карело-финские легендарные сказки. Как и в других сказочных жанрах, в них довольно ярко отразились мотивы протеста против угнетения и эксплуатации крестьянских масс беднячества и батрачества со стороны феодалов-помещиков. В буржуазно-помещичьей Финляндии существует своеобразный институт ходящих на барщину бедняков-торпарей, которые нополовину закрепощены арендно-долговой системой, так как земля принадлежит помещикам и кулакам. Социальный протест против угнетения таких полужакрепощенных бедняков-торпарей своеобразно показан в одной западно-финской сказке, в которой говорится о том, как чудесный помощник старого торпаря мстит помещицкому прихвостню фохту за угнетение торпарей.

Сказочным жанром, очень близким к новеллистической сказке, являются всевозможные анекдоты. Обычно, как и сказки о животных, анекдоты всегда представляют из себя короткий рассказ, в котором разработан лишь один эпизод. Сюда примыкают разные карело-финские сказки-анекдоты о пошехонцах севера: жителей земли Хеме, выборжанах, мужиках из Киндосова и т. п. В них описываются парадоксально преувеличенные особенности нравов и обычаев соседнего племени, соседнего города, соседней деревни. Но еще сильнее — острой социальной сатирой — звучат описываемые в этих сказках нравы и обычаи высших, паразитических слоев населения. Правда, мораль сказочных персонажей в карело-финских анекдотах, как и в анекдотах других народов, стоит иногда, на не особенно высоком уровне. Здесь подчас восхваляется даже вор, разбойник, убийца. Но такое восхваление чаще всего появляется тогда, когда этими «профессиями» условиями жизни вынуж-

ден заниматься представитель беднейших слоев населения. Во многих карело-финских сказках-анекдотах жадный поп либо епископ оказывается по одуроченным, а то и убитым благодаря хитрости его ловкого работника-вора, не получающего иногда от своего хозяина никакой платы.

Несколько в стороне от сказочных жанров стоят так называемые предания. Они в жанровом отношении значительно отличаются от сказок. Предания генетически связаны со сказками: из сказок и исходят многие образы и мотивы преданий. С другой стороны, некоторые карело-финские сказки содержат в себе мотивы, взятые позднее из преданий. Особенно большую роль играют предания тогда, когда сказочные жанры начинают подвергаться трансформации и когда образуются так называемые «легендарные сказки» позднего образования, иногда также стоящие немного в стороне от основных сказочных жанров.

Процесс трансформации, видоизменения и обновления сказочных сюжетов в нашей, советской действительности естественно приводит к возникновению новых сказок — с советской тематикой. Из мастеров старой карельской сказки, которые работают и над созданием новой сказки, можно назвать таких представителей колхозной карельской деревни, как Исаков из Поросозера, Никифорова из Вохтозера. Этими сказителями создано уже четыре новых карельских сказки.

Пользуясь значительно трансформированными, но все же привычными традиционными приемами, карело-финские сказители в своих новых сказках отсылаются даже на самые последние события. Посетив Всесоюзную Сельско-Хозяйственную Выставку, иностранный царь убеждается в силе и мощи Советского Союза, возникновение которого в сказке Исакова изображено в несколько легендарных тонах. Также в жанре легендарной сказки выдержан значительно отличающийся вариант этой сказки у Никифоровой. Иногда можно наблюдать недостаточно стройную композицию новой легендарной сказки. Но это — скорее недостаток всего жанра, так как и старые легендарные сказки не всегда отличаются стройной композицией. Этого недостатка уже нет в другой новой сказке Никифоровой, откликающейся на события, связанные с советско-финским конфликтом 1939—1940 гг., так как она идет от волшебной и новеллистической сказки и легендарные мотивы в ней почти отсутствуют.

Появление таких новых, советских сказок и произведений устного народного творчества других жанров (былины-новины, сказы и т. д.) убедительно говорит о том, что в эпоху социализма в эпоху необычайного подъема культуры и расцвета подлинно народного искусства, фольклор не «исчезает», как это утверждают некоторые реакционные «ученые», а наоборот — приобретает новое, отражающее нашу замечательную действительность содержание, постепенно поднимается на высшую ступень идейной и художественной зрелости.